

УДК 821.161.3 – 3*С. Алексиевич

Н.А. Сивакова*канд. филол. наук, доц. каф. довузовской подготовки и профориентации
Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины***ЖАНРОВЫЕ ИСТОКИ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ С. АЛЕКСИЕВИЧ**

В статье рассматриваются жанровые истоки документальной прозы С. Алексиевич. Особое внимание уделяется выявлению взаимосвязи с книгами «Я из огненной деревни...» и «Блокадной книгой». Научная новизна и значимость полученных результатов состоит в определении структурных и семантических особенностей организации документального материала, составляющего книги С. Алексиевич, которые мы относим к особому жанру в рамках документальной литературы – жанру «новой документалистики». Полученные выводы могут быть использованы при чтении общих и специальных курсов по истории белорусской и русской литературы XX в., курса теории литературы, при составлении учебных и методических пособий для студентов-филологов.

Введение

Документальная проза Нобелевского лауреата Светланы Алексиевич занимает ключевое положение в процессе формирования повествовательных традиций современной документалистики. В жанре, в котором она работает, человеческие свидетельства являются не только первоосновой произведения, в них благодаря интерпретирующей мысли автора обнаруживается скрытая эстетическая энергия факта. В этом жанре не только динамично отражается социальная психология разных слоёв общества, но и раскрывается личность автора, предлагающего определённый способ понимания правды о человеке и его времени. Жанровое своеобразие прозы С. Алексиевич направляет внимание исследователя на состав и структуру произведений в целях выявления типических свойств, позволяющих не только инкорпорировать её творчество в систему документального искусства, но и подтвердить его особое качество в рамках этой системы. Для этого необходимо изучить характерные связи произведений Алексиевич с другими документальными книгами, с тем чтобы установить наиболее близкие в жанровом отношении. Основная цель нашего исследования – выявить характер взаимосвязи документальной прозы Алексиевич с книгами сходного эстетического генеза: «Я из огненной деревни...» А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника и «Блокадной книгой» А. Адамовича и Д. Гранина.

Функции автора в «новой документалистике»

Документальная проза Алексиевич, с одной стороны, выходит за традиционные рамки, определяемые эстетическими особенностями данного вида литературы, а с другой – является продолжением начинаний А. Адамовича, Д. Гранина, Я. Брыля и В. Колесника (произведения «Я из огненной деревни...», «Блокадная книга»). Большинство исследователей склонны рассматривать произведения Алексиевич как явление «новой документалистики», но следует отметить, что парадигма данного жанра пока не представлена в литературоведении. Исследователями был предложен ряд определений феномена прозы Алексиевич: «жизнь, о себе повествующая; эпически-хоровая проза; роман-оратория; соборный роман; документальное самоисследование; устная история, магнитофонная литература» (А. Адамович), «литература человеческого документа» (Л. Гаранин), «стенография народной памяти» (Е. Скарлыгина), «новая литература факта» (В. Липневич), «литература с главенствующим документальным началом» (Е. Местергази). В начале творческого пути Алексиевич называла свои произведения «современной документальной формой, созвучной времени», но в последнее время она обозначает специфику жанра, в котором работает, через определение «роман голосов», а твор-

чество в целом представляет как хронику «Голоса Утопии». Алексиевич сама определяет предшественников, чьи произведения послужили ориентиром для её творческих поисков, признавая преемственность традиций, которые она развивает. Последующий анализ позволит нам выявить, на чём основывается традиционная преемственность в творческой системе Алексиевич и в чём состоит авторское новаторство, позволяющее новому жанру жить и успешно развиваться.

Ещё до публикации первой книги Алексиевич «У войны не женское лицо» А. Адамович писал о необходимости перемещения «фокуса», «переакцентации» народной памяти в сторону женских и детских судеб на войне, а это предполагает не только расширение границ документального жанра, но и освоение пределов человеческой души. Понимание того, что литература о Великой Отечественной войне стоит перед исчерпанием личностного опыта как основы достоверности и правдивости повествования, способствует созданию так называемых книг «народной памяти». Но расширение границ документального жанра не означает количественного увеличения свидетелей-очевидцев, воспоминания которых включены в произведение. Новые достижения документальной литературы связаны прежде всего с переосмыслением её функциональных возможностей, немаловажную роль в этом играет личность автора, взявшего на себя подобный труд.

Алексиевич, создавая свои документальные книги в соавторстве с самим народом, с его памятью и его болью, в то же время является полноправным автором своих произведений. Ей принадлежат «юридические» права, именно она несёт нравственную ответственность за воссозданные на страницах своих книг события нашей истории. Более того, в своих интервью Алексиевич неоднократно подчеркивала, что человеческие голоса являются средством выражения её собственного, авторского, мировосприятия. Одна из загадок её творчества, по мнению Л. Аннинского, состоит в обновлении понятия авторства: «От повести к повести всесветная слава писательницы растёт, меж тем как тексты ее на девяносто девять процентов принадлежат другим людям» [1, с. 8]. Алексиевич стремится сохранить на страницах книг имена героев, даже в том случае, когда она сама настаивает на «тайне имени», и тем самым подчеркивает значимость подлинности человеческого документа. Но в процессе художественного построения она преобразует эти документы, одновременно делая ставку не на фактическую точность, а на подлинность чувств и эмоций.

Для того чтобы появились такие произведения, как «Я из огненной деревни», «Блокадная книга» и хроника «Голоса Утопии», необходимо было, чтобы прошло определенное историческое время, которое позволило бы человеку осмыслить происшедшее. Произведения такого рода исследуют не само событие, а феномен народной памяти. При этом подлинность воспоминания определяется не фактической точностью, а глубиной эмоционального потрясения. Таким образом, «новый» жанр, возникнув как одно из направлений военной документалистики, продолжает свое развитие в творчестве Алексиевич, осваивая новые тематические и эстетические возможности.

«Жанр возникал из жизни и менялся вместе с книгами, как вероятно, менялась с ними я сама, — пишет Алексиевич, — для меня важно было превратить исповеди, которые я слышала, не в документ, но в искусство. Чтобы каждый рассказ был как новелла. Он и строится по законам новеллы, тут есть своя музыка, свой ритм, свой контрапункт» [2, с. 6]. Первоначальную задачу собственного творчества она видит в том, чтобы «честно записать услышанное». Избегая открытых вторжений в рассказы своих героев, она организует повествовательную структуру таким образом, что каждая включенная исповедь раскрывает определенную грань авторского замысла. Говоря об авторской «точке зрения», мы имеем в виду не систему авторского мировосприятия в целом, а ту точку зрения, которую автор выражает композиционной организацией книги. И поэтому каж-

дый образ, каждую деталь в книгах Алексиевич необходимо рассматривать в двух ценностных аспектах: в аспекте жизни героя, для которого пережитые события определили всю его дальнейшую судьбу, и в аспекте замысла всей книги: все её содержание подчинено авторским задачам. Повествование от первого лица воспринимается читателями как доказательство подлинности, а «живой» манере повествования противопоставляется строгая внутренняя композиционная организация произведений.

Теоретические проблемы «новой документалистики»

Специфику жанра, который получает развитие в произведениях С. Алексиевич, пытаются осмыслить многие исследователи. Вполне закономерным является то, что авторы большинства работ, посвященных творчеству Алексиевич, обращаются к литературоведческому наследию А. Адамовича. Подобная традиция тем более оправдана, так как сама Алексиевич безоговорочно признаёт за ним право выступать в качестве одного из родоначальников жанра, «благословившим» её собственное творчество. Такое внимание к мнению Адамовича свидетельствует о том, что авторы, излагающие свои воззрения на жанр, теория которого не создана, пытаются опереться на нечто незыблемое, дающее единственное подтверждение идеям о природе «нового» жанра.

К вопросу определения жанра Адамович подходил через характеристику важнейших его составляющих: условий, принципов, предпосылок. При выявлении этих параметров он учитывал художественный опыт, накопленный в произведениях «Я из огненной деревни...», «Блокадная книга», а также вновь повторяемые, но не слепо копируемые приёмы, совершенствование которых позволило Алексиевич создать собственную творческую систему. Исследования А. Адамовича позволяют нам сделать вывод о необходимом присутствии объективных и субъективных факторов в процессе создания произведений «новой документалистики». Так, к объективным факторам можно отнести наличие «стержневого события», которое объединяет самым фактом свершения многих и многих людей. Данное событие стирает в летописи истории конкретные имена и судьбы людей, подавляя своим масштабом индивидуальность. Субъективные факторы определяются личностью автора, взявшего на себя подобный труд, и личностью рассказчика, мерой его таланта и способностью донести всю глубину постигнутой правды. Но именно автору, наделенному особым даром сопереживания, с развитым чувством эстетической оценки принадлежит главная роль в процессе развития нового жанра. Он направляет свои творческие усилия на то, чтобы «потрясенный» объект добыл и поделился своими внутренними открытиями. Накопленный опыт тяжелым грузом лежит в душе, но, воплотившись в слове, обретая конкретность и материальность, он подтверждает право человека на наличие собственной истории и новых знаний о себе самом.

Осознавая важность человеческих открытий, Алексиевич стремится к максимальному внешнему самоустранению. Занимаясь поиском психологически правдивых человеческих документов, способных превращаться в знаки, символы времени, она избегает собственных комментариев, признавая их относительность. Версия события, изложенная героем, и смысл, извлеченный из него автором, часто не совпадают. Это несоответствие нарушает внутреннее равновесие человека, а без собственного оправдания он не способен противостоять реальности. И чтобы избавить его от ощущения ущербности вследствие высказанной о себе критической правды, Алексиевич будет отстаивать права искусства на возможность обнаружения запредельных знаний о человеке.

Монтаж как основной способ организации документального материала

Произведения нового документального жанра объединяет способ организации материала. В книге «Я из огненной деревни...», «Блокадной книге» и хронике Алексиевич – это монтаж. Именно при помощи соединения отдельных воспоминаний, сопо-

ставления судеб различных героев авторы выстраивают единую повествовательную линию, добиваются динамики развития сюжета, который внутренне присущ всем произведениям. Однако наблюдаются отличия в принципах монтирования материала. Так, в произведениях Алексиевич преобладающим оказывается принцип последовательного соединения: истории героев следуют одна за другой, вступая в различные отношения между собой. Объединение материала в главы или части по тематическому принципу можно отметить в первой книге «У войны не женское лицо», а также в книгах «Цинковые мальчики» и «Чернобыльская молитва», где этот принцип частично реализован. С. Алексиевич как автор документальных произведений, создающий свой «образ времени» на материале чужого жизненного опыта, исходит прежде всего из понимания значительности представляемых судеб, наполненных неким автономным смыслом. И потому направляет свои творческие усилия на то, чтобы каждая из составляющих частей ее книг воспринималась как законченное, способное к самостоятельному функционированию произведение. Несмотря на то, что рассказы многих героев после тщательной авторской обработки редуцируются до отдельных эпизодов и даже фраз, в целом в творчестве Алексиевич превалирующим оказывается индивидуально-личностный подход, который проявляется в стремлении автора к целостному изображению судеб своих героев без «разрывов» и внутренних дроблений.

В документальных произведениях «Я из огненной деревни...» и «Блокадная книга» ведущий организационный принцип несколько иного рода. Он проявляет себя не только в эстетическом отборе и организации материала, но и в глубине философских обобщений, в авторских размышлениях, демонстрирующих высокую степень постижения человеческого опыта, который стал частью и их жизни. Характерным является то, что авторы отходят от последовательного воспроизведения судеб своих героев, постоянно прерывают повествование, возвращаются назад, обращают внимание читателей на повторы, которые и повторами не являются, поскольку каждый рассказ таит в себе новый поворот жизни, открывает новые обстоятельства уже, казалось бы, известного. Подробности личной судьбы, неоднократно повторенные, придают событиям объемность и выразительность. Таким образом, событийный аспект, эпическое начало являются ведущими при монтаже документального материала в данных книгах.

Отличие произведений Алексиевич состоит в том, что центральную позицию в её повествовании занимает человеческая индивидуальность (личная история). Объединение свидетельского материала осуществляется не по принципам участия героя в определенном событии, а в соответствии с внутренней логикой накапливаемого материала, помогающей обнаружить в каждом конкретном человеке возможные следы «человека вечного». Степень достоверности определяется глубиной эмоционального переживания, что помогает избавиться от штампов и устойчивых канонов восприятия. В большинстве случаев это болезненный процесс, поскольку мифы, бытующие в обществе, удобным образом замещают истинный облик событий. Но не за восстановление достоверности ратует С. Алексиевич, ее усилия направлены на поиск нравственных ориентиров, позволяющих человеку сохранить свое достоинство даже на дне пропасти.

Формирование собственных принципов творчества у С. Алексиевич происходит постепенно, на основе всего накопленного опыта в этом новом документальном жанре. Авторы же книги «Я из огненной деревни...» свою задачу видели в том, чтобы дать возможность народной памяти вынести свой приговор фашизму, рассказать о своей боли и страдании. Но на страницах данной книги человеческая жизнь подвергалась немедленному уничтожению, и пределы человеческих возможностей порой определялись только степенью биологических инстинктов – его желанием жить. Страх перед мучительной смертью – быть сожженным заживо – толкал человека на выбор более «лег-

кой» смерти – быть застреленным – и, видимо, открывал путь к спасению. Этот страшный опыт слишком опасно предавать забвению.

Авторы «Блокадной книги» уже невольно сравнивают степень открывшейся им правды с дозволенными пределами в литературе. Героический образ блокады Ленинграда не совмещался с натурализмом и бытовыми подробностями, с голодным полубезумием многих жителей. Адамович и Гранин доказывают необходимость жестоких открытий, фиксацию человеком низменных инстинктов на пути собственного познания. О них удобнее не вспоминать, не включать в книгу, но тогда мы до конца не осознаем высоту человеческого духа тех людей, которые в тяжелейшей борьбе с самими собой победили невыносимый голод, холод, саму смерть. Несмотря на все трудности, авторам удалось разрушить «окаменелый стереотип идеологии блокады», не переступая через меру дозволенного в литературе. Это стало возможным, поскольку цели их творчества определялись более высокими ориентирами, чем просто описать жизнь человека в невыносимых условиях. Гранин впоследствии писал: «Мы решили, что эта книга, во-первых, – об интеллигенции и об интеллигентности. Ленинград – город, который отличался высокой культурой, интеллектом, интеллигенцией своей, духовной жизнью. Мы хотели показать, как люди, которые были воспитаны этой культурой, смогли оставаться людьми, выстоять. Второе, что мы хотели, – показать пределы человека. Мы сами не представляли себе возможностей человека. Человека, который не просто отстаивает свою жизнь, люди эти чувствовали себя участниками фронта» [3, с. 158].

Алексиевич также обвиняли в излишнем натурализме, но она не желает признавать «стерильного» героизма, оторванного от биологической природы человека. Небо и бездна сосуществуют в пределах одной человеческой личности – это открытие, связанное с именем В. Шаламова в литературе, становится основным принципом ее творчества. «Искусство о многом в человеке не подозревает, не догадывается», – утверждает Алексиевич. Она не пытается обозначить меру дозволенного в литературе, поскольку считает, что действительность как таковая непостижима, единственно возможную реальность составляют чувства людей, отражающие их духовный опыт. Каждый человек имеет право на творчество своей жизни, и степень его откровений определяется только глубиной собственного познания. По ее мнению, нет пределов нравственности, когда речь идет о самопознании. Кроме того, писатель говорит о необходимой смене парадигмы ценностей, что позволит человеку вновь обрести утраченный смысл своего существования. Своим творчеством Алексиевич снимает вопросы, связанные с допустимыми пределами в литературе, возникавшие у её предшественников.

Заключение

Документальные произведения «Я из огненной деревни...» и «Блокадная книга» обнаруживают жанровые взаимосвязи с произведениями Алексиевич. Их объединяет подход к выбору основы повествования (документальные свидетельства), отличает особый «нравственный климат», тот факт, что творческому исследованию подвергается не само событие, а феномен народной памяти.

Для данных документальных книг характерна особая авторская активность. Однако в понимании авторами собственных полномочий в тексте наблюдаются различия. Так, в произведениях «Я из огненной деревни...» и «Блокадная книга» обнаруживается присутствие образа автора, который, обладая автономным творческим сознанием, позволяет себе открыто вмешиваться в воспоминания героев. Позиции С. Алексиевич и её героев максимально сближены, авторская активность проявляется в отборе и монтаже документального материала. Внешняя дискретность повествования предполагает внутреннее единство, в основе которого лежит строгий авторский замысел.

В процессе создания своих произведений в жанре «новой документалистики» авторы использовали монтаж как основной способ художественной организации. Однако в творчестве Алексиевич превалирующим оказывается индивидуально-личностный подход, который проявляется в стремлении автора к целостному изображению судеб отдельных героев без внутренних дроблений. Центральную позицию в её повествовании занимает человеческая индивидуальность (личная история). Авторы же, стоявшие у истоков нового документального жанра, не придерживались принципа последовательного воспроизведения судеб своих героев. Участие людей в определенном событии, подробности их личных судеб, неоднократно повторенные, придают повествованию объемность и выразительность. Таким образом, в данных книгах ведущими при монтаже документального материала являются событийный аспект, эпическое начало.

Аккумулируя в своем творчестве лучшие достижения документального искусства, С. Алексиевич создает произведения, в которых историческое событие, воссозданное на основе подлинных свидетельств, обретает жизненную полноту и предельную достоверность, что свидетельствует о традиционной преемственности. Но в то же время документальная проза С. Алексиевич отличается индивидуальными жанровыми особенностями, проявляющимися на уровне как содержания, так и формы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннинский, Л. Оглянуться в слезах / Л. Аннинский // Книжное обозрение. – 1988. – № 21. – С. 8–9.
- 2 Алексиевич, С. «Моя следующая книга будет о любви» : интервью Н. Ажгихина / С. Алексиевич // Независимая газ. – 1996. – 8 авг. – С. 6.
- 3 Гранин, Д. История создания «Блокадной книги» / Д. Гранин // Дружба народов. – 2002. – № 11. – С. 156–161.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.02.2016

Sivakova N.A. Genre Sources of Documentary Prose by S. Aleksievich

The article deals with the genre sources of the documentary prose by S. Aleksiyevich. Special attention is paid to identification of interrelation with the books «I am from the Fiery Village ...» and «Blockade book». The scientific novelty and value of the received results are in the definition of structural and semantic features of the organization of the documentary material making books by S. Aleksievich which we carry to a special genre within documentary literature – to a genre of «new documentary». The received conclusions can be used for the developing of general and special lecture courses in the history of Belarusian and Russian literature of the XX century, a course of the theory of literature, but also at making of tutorial and guides for the students of the faculty of philology.